

Александр Курако

Родился в 1964 году в Гомеле. В Амурскую область приехал в 1989 году. Более 30 лет занимается строительством. Имеет публикации в литературных альманахах «Приамурье», «Чистая лампада», историко-культурной газете «Русский берег», в «Молодёжном вестнике Приамурья», в альманахе Российского союза писателей «Регионы. 2018». Автор книг: «Реконкиста. Русь святая», «Корова с пропеллером. Куда подевался остаток?» издательства «Царское Слово».

Хрустальные слезинки

Налетела буря. Снегопады нередко случаются в Северной столице, но в эту ночь метель разбушевалась не на шутку. Под завывание ветра хлопья снега кружились в бешеном танце, струились позёмкой по дорогам и заметали, заметали всё вокруг. Зрелище стихии завораживало, словно волшебство. И было ожидание чуда...

И оно случилось: наутро, когда после ночного бурана выглянуло солнце и заиграло яркими искрами на снегу, в одном из питерских дворов жители обнаружили снежную скульптуру. Даже не скульптуру, а композицию из двух фигур – мужской и женской, застывших в танце. Снежные одеяния их были похожи на те, что носили в Петербурге в конце восемнадцатого века. Кто в эту бурную ночь изваял их – осталось загадкой. Было такое ощущение, что это сама Посланница Зимы – Метель перенесла их сюда откуда-то из далёкого прошлого. И в танце замерли они, словно не слыша, что музыка оркестра давно уж смолкла вместе с воем бури, и только лишь глядели в глаза друг другу, не замечая ничего и никого вокруг, как это часто бывает с влюблёнными.

Люди выходили из домов, спешили по своим делам, но, проходя мимо танцующей скульптуры, невольно улыбались, и становилось у них на душе немножечко светлее. День быстро пролетел. С наступлением темноты улицы опустели, и во дворе остались только танцующие снежные изваяния.

Внезапно на лице мужской скульптуры ожили глаза. Он долго, не скрывая восхищения, смотрел в лицо своей прекрасной дамы.

Она, словно почувствовав взгляд, вздрогнула и открыла глаза.

– Ах, сударь! Вы подглядывали за мной! – упрекнула Она.

– Сударыня, ну что Вы! Я лишь любовался Вашей красотой, – поспешил заверить Он. – Так не хотелось прерывать Ваш сон. Видимо, снилось что-то приятное, ведь Вы улыбались во сне.

– Да, сон был чудесный! – улыбнулась Она. – Жаль, что он кончился...

– Сударыня, Вы жалеете, что, очнувшись ото сна, нашли себя в моих объятиях! – в отчаянье промолвил кавалер.

– Что Вы! Отнюдь! Мне Ваше общество весьма приятно... – дама смущённо опустила глаза. – А снилось мне, что мы... навеки вместе...

– Так будем же навеки вместе! – воскликнул Он.

– Оставьте, сударь. Ужели Вы ещё не осознали той участи, что ждёт нас впереди?

– Какая участь может быть ужасней, чем та, что сможет нас вдруг разлучить? – в сердцах воскликнул кавалер.

– Ах, сударь! Всё весьма печально! – вздохнула дама. – У счастья нашего весьма короток срок. Придёт весна, и с Вами мы банально вдруг превратимся в жалкий ручейк...

– И что ж! Пускай! Коль суждено растаять, как тает воск от пламени свечей! Желанный миг – о нём уже мечтаю, когда сольёмся мы в один ручей!

Он с жаром рисовал картины прекрасного путешествия, как они поплывут с ручейком до самого океана, чтобы тот обвенчал их...

– Сударыня, Вы плачете? – спросил Он, увидев слезинки на щеках дамы.

– Это от счастья, – улыбнулась Она.

На подвенечном платье блеснули хрустальные капельки упавших слёз.

Пальто

В магазин детской одежды завезли дефицитный товар. Это был страшный секрет, но соседка тётя Зина разузнала о предстоящей распродаже от знакомой из управления торговли.

– Завтра на прилавок «выбросят» дефицит, – заговорщицки поведала она маме.

Что именно за товар, никто не знал. Оставалось только гадать. Одно ясно: раз товар «выбрасывают» в продажу ради выполнения плана, будет что-то стоящее. Поэтому надо идти задолго до открытия магазина и занимать очередь. Наутро так и поступили.

Хоть и пришли мы пораньше, но в очереди оказались где-то во втором десятке – слух о предстоящей продаже волной пронёсся по небольшому военному городку, в котором мы жили.

В очереди было много знакомых, все с детьми. Мамаши делились

предположениями по поводу того, какой именно «выбросят» товар. Надеялись, что это будет что-нибудь нужное.

В положенное время двери магазина распахнулись и народ, ухватив своих чад за руки, устремился внутрь. Я бы с радостью застрял в отделе игрушек, где мне было интереснее, но поток пронёс мимо – прямою к отделу готовой одежды.

Выяснилось, что в этот тёплый летний день дефицитным товаром оказались... подростковые зимние пальто. Впрочем, в то время никто таким сюрпризам не удивлялся. Главное, что пальтишки были не только вещами нужными – понадобятся не сейчас, так через несколько месяцев – они были импортными! Сейчас уже и не вспомню – то ли из Югославии, то ли из ГДР, но выглядели они просто шикарно! Длинные ворсинки натуральной шерсти дивно переливались на свету и были такими густыми, что напоминали мех шубы. Аккуратный крой, приталенный силуэт, длинный пояс, завязывающийся спереди на узел, два ряда блестящих металлических пуговиц – почти такие же двубортные пальто, похожие на форменные мундиры, в каком-то фильме изящно носили важные персоны. Меховой воротник пристёгивался пуговицами, его можно было поднять, застегнув на небольшой металлический крючок так, что он закрывал лицо до самых глаз.

– Ну как, нравится?

– Нравится, – отвечал я, крутясь в обновке перед зеркалом.

– Чуть великовато, – констатировала очевидный факт мама. – К осени ещё подрастёшь, будет как раз.

Мама надеялась, что обновки, с учётом размера на вырост, хватит года на два-три.

Пальто, и правда, было великовато: в вороте, поясе, длине – ниже колен, а рукава доходили почти до середины пальцев. Несмотря на красивый фасон, смотрелось оно на мне довольно смешно. Может в брюках и на плотный, вязаный свитер оно село бы лучше, но в тот момент я был в лёгкой рубашонке с короткими рукавами и в шортах, которые полностью спрятались

под длинными полами пальто. Этот ансамбль, с голыми ногами в стоптанных сандалиях, выглядел слегка нелепо.

– Да, да. К осени подрастёшь, и будет впору, – снова повторила мама, в большей степени убеждая не меня, а себя в правильности выбранной покупки.

Выбор был действительно правильный. Ведь дело лишь времени, когда пальто станет сначала впору, а потом, не успеешь оглянуться, и вырастешь из него.

Наступила осень, а с ней и первые холода. Несмотря на то, что я подрос, пальто всё же было великовато. Но выглядело оно просто классно! В нём у меня даже осанка изменилась, сутулиться в таком наряде совсем уж не пристало.

Оказалось, что точно такое же пальто купили и моему однокласснику – Вовке Тараненко. Вовка рос без отца, мама его работала уборщицей в этом самом магазине. Ей тоже удалось справиться обновку для сына.

Хоть я и старался беречь новое пальто, но однажды не уследил. Как-то, пролезая через дыру в заборе, зацепился за торчащую проволоку и порвал рукав. Мало того, что сам расстроился, получил ещё нагоняй от родителей. Прореху мама зашила. Если не присматриваться, было почти незаметно. Но однажды случилась ещё большая неприятность, чем дырка на рукаве. Впрочем, по порядку.

Пальто украли. Причём прямо из школьной раздевалки. Если уж говорить точно, то украли Вовкино пальто, своё-то я сразу по зашитой дырке узнал. Но не найдя на вешалке своего пальто, Вовка вцепился двумя руками в моё и с рёвом, с криками твердил только одно: «Это моё! Это моё!..»

В общем, спорили, чуть не до драки! Ведь шутка ли сказать – как же я без пальто домой пойду? Тем более, на все сто процентов знаю, что это моё! Но Вовка упёрся и всё тут.

На крики уже народ собрался, прибежала завуч. Она и положила конец спору, назначив на завтра педсовет для разбирательства. И наших родителей

пригласили. По её решению Вовка ушёл домой в моё пальто. А мне пришлось надеть какое-то куцее пальтишко, оставшееся в раздевалке бесхозно висеть, когда все разобрали свою одежду. Пальто было явно коротковато – выше колен, и рукава только-только до запястья. Мама как увидела меня в нём, так и ахнула.

На следующий день состоялся педсовет. Разбирался вопрос о принадлежности пальто, которое до выяснения обстоятельств повесили на рогатой вешалке в кабинете. За большим столом сидели судьи – члены педсовета во главе с завучем.

Во время следствия каждая из сторон приводила свои аргументы. Мы предъявили к осмотру дырку на рукаве, и мама рассказала, как она зашивала её.казалось, что эти аргументы просто железные и всем станет всё ясно, как вдруг... Вовка, поморгав глазами и шмыгнув носом, вдруг заявил, что это он сделал на рукаве дырку! А мама его, уже была готова расплакаться, но тут вдруг подхватила и подтвердила, что это она заштопала прореху...

От этого заявления мы чуть дара речи не лишились! Как можно так бессовестно врать? Ладно, что Вовка, но его мама...

Следствие продолжилось. На вопрос, при каких обстоятельствах Вовка порвал рукав, он рассказал уж такую небылицу, что просто слов нет! Слово он на днях специально встал рано утром и первым делом проковырял в рукаве гвоздём дырку, якобы для того, чтобы «наметить» своё пальто и не перепутать его с чужим...

Всем было понятно, что неправда это от первого до последнего слова! Мы с мамой уверены были, что педсовет примет справедливое решение. Однако...

Вовка ревел белугой, мать его причитала, какая она несчастная, как трудно ей сына без отца растить.

Завуч вынесла вердикт, который был поддержан членами педсовета: пальто досталось Вовке. Проголосовали молча, не глядя на нас, опустив вниз глаза.

В кабинете остались только мы с мамой и завуч. Я непонимающе хлопал глазами, мама плакала.

– Как же так? – спрашивала она. – Неужели не ясно, что это всё ложь?

– Не в этом дело, – отвечала завуч, мудро поблёскивая стёклами очков. – Вы должны понять, что в этой ситуации я не могла принять другого решения.

– Какой ещё ситуации?

– Ну, как же? Дело в том, что у них не вполне благополучная семья, мальчик без отца растёт. А у вас, если не ошибаюсь, семья полная, и муж военнослужащий.

– И что из этого? – недоумевала мама.

– Ну... ваша семья достаточно обеспеченная. И вот, в соответствии с соображениями социальной справедливости...

Этой зимой я донашивал то самое куцее коротенькое пальтишко. Купить новое, хотя бы даже отечественное, не было возможности. Отец служил в звании капитана, его жалования еле хватало на содержание семьи с тремя детьми. И ещё он выкраивал крохи, ежемесячно посылая денежную помощь своему отцу – моему дедушке.

Мама была домохозяйкой. Устроиться куда-нибудь на работу было непросто. Для гражданских в военном городке рабочих мест на всех не хватало. Из экономии меня даже в детский сад не водили – я потом любил по этому поводу говорить, что меня улица воспитала.

На Вовку я какое-то время дулся, но в том юном возрасте обиды забываются быстро.

На следующую зиму мне купили куртку. Тёплую, с капюшоном. Внутри кармана на подкладке мама пришила бирку, на ней написали мою фамилию. Так, на всякий случай.

Ох уж эти взрослые!

Нет, этих взрослых решительно невозможно понять! Они считают, что знают обо всём на свете и думают, что поступают всегда правильно. При этом ждут от своих детей, что и они будут вести себя соответственно.

Для взрослых я был просто Сашенькой – ребёнком, который постоянно путается под ногами, создаёт беспорядок, шум и прочие мелкие неприятности, неизменно вытекающие из моих игр. К слову, все мои игры и шалости были не чем иным, как шагами познания окружающего мира.

В том нежном возрасте я ещё не был знаком со спорной доктриной, утверждавшей, что труд создал из обезьяны человека. Наверное, я бы и не поверил этому. Но, всё же, у меня зарождалось понимание, что труд – не тот, когда от тебя требуют собрать разбросанные по комнате игрушки, а труд творческий, созидательный – именно он поднимает человеческое существо на более высокую ступень развития.

Познание бытия оказалось очень увлекательным занятием. Однажды, играя с молоточком, я стукнул его остриём по дверке шкафчика. С восторгом я обнаружил, что удар оставил вмятину! Ошибки быть не могло – второй удар – и ещё одна вмятина!

В восхищении от своего открытия, я нещадно лупил молотком по лакированной дверке, покрывая её десятками новых вмятин. Я творил! Я творил и наслаждался результатами своего труда. Упование было прервано нагоняем от мамы, заглянувшей в комнату посмотреть, чем это я там занимаюсь.

Эпоха великих географических открытий канула в прошлое. Но открытия, которые я делал с каждым днём, были не менее значительными. Ведь они удивительным образом расширяли мой Маленький Мир до размеров Вселенной.

Видимо, об этом я должен был поразмыслить после полученного нагоняя. Во всяком случае, рыдая над осколками разбитых иллюзий и размазывая кулаком слёзы, я постепенно переходил к следующему важнейшему этапу познания бытия, а точнее к осознанию библейской истины о Добре и Зле. Оказалось, не всякий труд способствует формированию творческой личности. И эта аксиома очень скоро снова подтвердилась.

Как-то на кухне мама при помощи мясорубки, прикрученной к краю стола, превращала кусочки мяса в фарш – он вылезал тоненькими, как червячки, струйками. Это было так интересно! Мама даже разрешила мне немножко приобщиться к процессу – я, пыхтя от усилий, старательно крутил ручку мясорубки.

«Ты мой помощник!» – похвалила меня мама и затем сама продолжила перемалывать мясо.

Я был счастлив, ведь мне приоткрылся путь познания Добра. Нужно только не останавливаться на достигнутом!

В поисках средств самосовершенствования я вскарабкался на табурет и взглядом исследователя осмотрелся. На столе стоял чайник с заваркой и стеклянная банка, служившая сахарницей. Казалось бы, ничего интересного. Но только не для ищущей творческой натуры!

Решение, что делать, было принято мгновенно и спонтанно – заварка из чайника тоненькой струйкой полилась в банку с сахаром. Результат был не хуже, чем фокус с мясорубкой, превращающей кусочки мяса в червячки фарша. Сахар постепенно от верха книзу намок, окрашиваясь в красивый коричневый цвет...

Всё кончилось очередным нагоняем от мамы, но при этом я сделал ещё один шаг в познании такого сложного и запутанного мира.

Было безумно трудно разобраться во всех этих хитросплетениях. Понятно, когда родители про что-то говорят «нельзя», а ты всё равно делаешь и получаешь по заслугам. Тут, как говорится, всё по-честному. Предупреждён – вооружён.

Но иногда приходилось страдать и за те дела, о которых изначально никто не предупреждал, что это делать нельзя, что это плохо!

Как-то на улице около дома дорожники укладывали новый асфальт. Для всех мальчишек это было целое событие! Мы стояли у края дороги, терпеливо поджидая, когда асфальтоукладчик

в очередной раз проедет мимо. Мы бросали под каток камушки и с интересом смотрели, как они вдавливаются в чёрную густую массу. А когда строители куда-то отлучились, мы обнаружили бадью с остывающим битумом и стали макать в неё палочки. На воздухе смолистая масса быстро застывала, и получалось что-то вроде леденцов на палочке. Они были очень красивые – блестящие, чёрного-пречёрного цвета.

Ну, вот скажите, разве кто-нибудь предупреждал, что эти леденцы нельзя класть в кармашек новенького светлого костюмчика?!

Или вот ещё: если резиновые сапоги предназначены для того, чтобы ходить по лужам, то почему в них нельзя мерить глубину этих луж?

И почему я должен играть непременно в песочнице под окнами, чтобы мама видела? Что за крепостное право? А может мне захотелось немного прогуляться. Ну, например, посмотреть, как разлилась речка в пору половодья.

Пока пускал с берега кораблики из щепок, немножко заигрался. Ну и что, что начало темнеть? Зачем из этого проблему делать? И что была за надобность устраивать вместе с соседями мои поиски? Кто-нибудь объяснит?

Но вместо ответов на мои риторические вопросы были нагоняи. И, конечно же, как снежный ком, рос перечень новых «нельзя».

«Почему бы не ознакомить меня сразу со всеми запретами?» – размышлял я после очередного нагоняя.

Конечно, многие слышали стихотворение Владимира Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо». Стихотворение хорошее, полезное, но, к сожалению, оно не описывает всех жизненных ситуаций, не охватывает, так сказать, всего масштаба проблемы.

Если я когда-нибудь стану писателем, то обязательно напишу для детей книжку, где расскажу подробно, что делать можно, а чего нельзя. И почему никто до сих пор не догадался этого сделать? Ох уж эти взрослые!